

Вадим Панченко

Бог Индерона

Книга первая

Часть первая

Машина

Глава 1

— Рой! Ты запасся подгузниками? — Джим Хонк заржал и захолопал по коленям, глядя, как Рой устало бредет по палубе с огромным вещмешком на спине.

— Не смешно, Джим! Не пытайся играть в эти игры со мной! Я тебе не какой-то молокосос! Я уже был в операции на Гарде и на Варгосе-5 и...

— Да-да, мы все знаем про твои подвиги! Ты серьезный боец, Рой. И пушка у тебя вон какая, и нож вон вижу, ух какой нож. И вещмешок у тебя — ого-го. Думаю, там у тебя и соска, и бутылочка, и раскладная колыбелька с качелькой поместились. А скажи, не завалилась ли у тебя там фляжечка с джином или виски? Нет? Эх, салага ты салага...

Десантники, сидящие на контейнерах с оборудованием, улыбались, слушая обычные подначки, которыми старина Джим традиционно сопровождал любое действие младшего в группе, лишь недавно заслужившего честь пополнить их ряды. Простое правило солдата — отдыхай, пока не дали приказ, наслаждайся последними минутами перед заданием, из которого, возможно, вернутся не все. Группа Альфа — двенадцать лучших бойцов десантного корабля «Гордость Республики», готовилась к вылету, о котором им ничего не было известно. Рой присел на один из ящиков рядом с Джимом, почти на границе гравизоны, бросил вещмешок на палубу и достал из внутреннего кармана сигарету. В картридже было еще больше половины спайса с Диноры — ценность, за которую он отвалил торговцу треть месячного жалования.

— О! А вот это вещь, — воскликнул Джим,

хищно протягивая свою лапищу. Рой от неожиданности разжал руку, и с плохо скрываемым сожалением и раздражением проводил взглядом свое сокровище, которое Хонк бесцеремонно запихнул в свои потрескавшиеся губы. — Не жмись, салага! Карма твоя растет просто на глазах! А дядя Джим за твою доброту прикроет твою тощую задницу в нужный момент.

Наглость Хонка бесила Роя, и он отвернулся, чтобы не показывать свои бурные эмоции, стремящиеся вырваться наружу. Делая вид, что разглядывает стартовую зону, он заметил странную фигуру, сидящую полубоком у одной из опор десантного бота. С такого расстояния было трудно определить, но, похоже, что человек этот был ростом намного выше двух метров, и имел впечатляющую ширину плеч. Громадность фигуры еще больше увеличивала боевая броня — усиленная версия для групп прорыва. Все элементы были надеты, шлем снят с головы и пристегнут в плечевой держатель, а голова-то была интересная — совершенно безволосая и со странным зеленоватым оттенком. Свет прожекторов отражался брызгами от черепа незнакомца, и казалось, что он покрыт чешуей. С этого ракурса видно было лишь одно ухо, но и оно привлекало внимание: необычной формы — вытянутое вверх и очень большое, кроме того, оно слегка шевелилось.

А линия скулы имела такой резкий перегиб, словно челюсти зеленого громила должны были вмещать огромные зубы.

— Это еще что такое? — Рой толкнул Джима в бок и показал на далекую фигуру.

Хонк привстал, приглядываясь, а затем изумленно присвистнул:

— Ни...чего себе! Быть такого не может!.. Гекон!

— Геккон? — переспросил Рой.

— Не геккон, а гекон, — озадаченно протянул тот, продолжая вглядываться в фигуру, — плохо дело! Плохо наше дело, молодой. И плохо что ты подгузников не взял.

Бойцы, тем временем, потихоньку перемещались поближе к ним, украдкой поглядывая на загадочного гекона, и присвистывали от неприятного удивления, так же, как Джим мгновение назад.

— Что за гекон? — снова подал голос Рой. — Что в нем такого страшного?

— Не знаешь? Я же говорю, салага ты. Хотя, может тебе лучше и не знать.

— Не выпендривайся уже! Если тема важная, то давай говори!

— Ладно, слушай, боец. Давно, ты еще тогда, наверное, и в планах у мамки не числился, так вот, большие парни с большими погонами решили

создать непобедимых солдат. Дело не новое, как понимаешь. Они это регулярно придумывают, хотя ничего лучше нашего брата нет, и это все знают, — Хонк обвел взглядом подсевших поближе товарищей, и те одобрительно закивали, — да, так вот, в этот раз им яйцеголовые предложили кое-что новенькое. Представь себе такую тварь, которая может меняться. Надо ей плыть — она себе жабры отращивает, надо ей бегать — ноги у ней становятся, как у денбийского гонца, а надо летать — отращивает себе крылья...

Барт, сержант и старейший солдат группы Альфа, насмешливо крикнул. Джим осекся и досадливо отмахнулся рукой:

— Ну ладно, ну про крылья может и сказки, но то, что эти твари могут меняться, что у них бывают и хвосты и жабры, это вот клянусь своим хреном! Для каждого задания он может готовиться и изменяться. Не так, как мы, не просто оружие и оборудование, но сам, целиком.

— Что, просто по своему желанию? — изумился Рой.

— Нее... Умники все-таки были не полными идиотами. Почему он «гекон»? Потому, как он не человек. И не зверь. Он — «генный конструкт». Вот так они и называются, да. А меняются они специальным образом. У каждого из них был свой командир и куратор. А куратор этот имел такую

коробку — с большой чемодан величиной — черную, с желтыми полосами — ни с чем не перепутаешь. Называлась она «Генный модулятор». А сами гекконы называли ее «коробкой боли» и боялись одного только вида. Так мне рассказывали. Сам-то я, никогда раньше геккона не видел — врать не буду. А отец мой — тот видел, и даже служил с одним таким. Он мне про них и рассказывал. Что, мол, когда ему нужно измениться, то его подключают к этой коробке, и он корчится в муках, а потом начинает как бы плавиться, плыть, как воск, и меняется. Страшное это зрелище. А уж как он кричит при этом...

Повисла неловкая пауза. Рой и еще пара бойцов смотрели на сидящего у опоры геккона, а тот словно и не шевелился. Даже снующие мимо него погрузочные роботы не волновали его ни капли. Возможно, он просто спал.

— Ну? — вопросительно посмотрел на рассказчика Рой, — и как же его заставляли к этой коробке боли подключаться, если это такая пытка?

Джим присел, затянулся сигаретой, нагло отнятой у Роя, и задумчиво посмотрел тому в глаза.

— А куда ж он денется? Он от этой коробки никуда. В ней его сила, в ней его жизнь... И в ней его смерть. Попробует только взбунтоваться — чик, и все. Одно нажатие на кнопку... — Хонк снова затянулся, эффектно выдерживая паузу, но никто не

торопил его, не перебивал. — А знаешь, молодой, даже несмотря на это, они бунтовали. Разрывали своих кураторов зубами, отрывали им руки-ноги-головы, пытались бежать в гипере, думая, что так смогут разорвать связь с коробкой. Бывало, в ярости убивали весь состав группы, к которой их приписывали...

— Так почему их не ликвидировали? Да и вообще, зачем они? И почему этот сидит тут?

— Хорошие вопросы, салага, очень хорошие. Отвечаю по порядку: их ликвидировали. Во всяком случае, еще десяток лет назад писали, что они все поголовно вымерли от какой-то там ошибки в конструкции, — Хонк криво усмехнулся, и сделал рукой неопределенный жест у горла, — а нужны они были для самых опасных, самых дерьмовых миссий. Миссий, из которых люди, — он подчеркнул это слово, — не возвращались. И вот почему это меня так напрягает. Мало того, что мы ничего не знаем про наше задание, так еще этот... Что же до твоего вопроса, почему он сидит тут, то...

— Смирно! — зычно гаркнул сержант Барт.

Отряд вскочил, вытягиваясь в струнку. Прямо к ним, впечатывая тяжелые ботинки в металлическую палубу, приближалась пара старших офицеров. Первым был командир их бригады, полковник космодесанта Майк Зан, а

второй был неизвестен Рою. Рослый седовласый человек с короткой стрижкой «ежиком», на груди которого поблескивали золотые треугольники полковника научной службы, был одет в легкую броню, сияющую новизной. Шлем брони был откинут и пристегнут к наплечному креплению — точно, как предписано в уставе. Неизвестный полковник смотрел прямо на них, неспешно переводя взгляд с одного бойца на другого; его правая рука при ходьбе придерживала потертую кобуру огромного размера. Кобура резко контрастировала с новенькой броней последнего поколения, и Рой, питавший страсть к оружию, с замиранием сердца вглядывался в обводы этой кобуры. «Не может быть!» — «Гром-12» — давно снятый с вооружения бластер, настолько же мощный, насколько и опасный, особенно в неопытных руках. Он мог пробить броню легкого танка... или превратить своего хозяина в огненный шар. Как кому-то могли позволить носить эту ужасающую вещь в наше время? Тем более — тыловой крысе из научной службы. Или кобура пуста, и это лишь эффектный элемент образа бравого солдата «старой школы», который этот холеный хлыщ пытался создать из зависти к настоящим боевым офицерам?

Между тем, ученый полковник приближался, и Рой наконец-то обратил внимание на его вторую

руку. В ней он держал большой металлический чемодан — черный с желтыми полосами.

* * *

— Слава Республике! — отчеканил приветствие командир Зан.

— Славим и служим! — дружно грянул хор из двенадцати глоток.

— Это полковник Ден Кор из научной службы.

— Слава Республике, господа, — поприветствовал бойцов Кор.

— Славим и служим!

— Вольно, — полковник Зан небрежно козырнул отряду и снова медленно обвел всех взглядом. — Итак, полковник Кор и его парни в этой миссии будут вашими подопечными. На объекте, куда вы направляетесь, вы перейдете в подчинение к нему. Детали миссии знаете уже на борту из секретных пакетов. А пока я могу сказать вам лишь то, что она будет проходить не на планете. Так что, готовьтесь соответственно: вакуум, радиация, неизвестные излучения, отсутствие гравитации — все прелести. Ваша задача: проникнуть в... объект, обеспечить прикрытие и безопасность группы специалистов полковника Кора, а затем вывести их обратно. Вы

будете работать не одни. Еще три группы будут приданы вам в усиление. Коды связи и всю необходимую информацию по взаимодействию так же получите уже на борту. С этого момента вы переходите в состояние «ноль». Отлучаться никуда нельзя, всякая связь и разговоры вне группы с этого момента запрещены. Готовьтесь, джентльмены. И отправьте в казармы свои личные вещи. Они вам не понадобятся. Сержант, у вас тридцать минут на подготовку. Распаковывайте контейнеры с броней и получайте оружие и боезапас. Ведомости уже открыты. Вопросы?

— Никак нет, сэр! Разрешите выполнять?

— Приступайте, — Зан небрежно взмахнул рукой, и десантники поспешили к своим контейнерам с оборудованием. Хонк язвительно улыбался, глядя, как Рой тащит свой вещмешок к автоматической грузовой платформе, чтобы отправить его в казарму. Часто после таких пересылок найти вещи было уже невозможно, и Рой чувствовал себя полным дураком, осознавая, что никто, кроме него, не притащил свой вещмешок на погрузочную палубу. Кто же знал, что они отправляются не на планету?

Полковник Кор между тем оглядывался вокруг, и вдруг, заметив фигуру у опоры бота, козырнул Зану, резко развернулся на месте и направился прямо к неизвестному солдату. Рой

увидел, как переступая линию гравизоны, полковник небрежным ударом пятки об пятку переключил ботинки на магниты, и, даже не пошатнувшись, уверенно направился к гекону.

Ал сидел на ступне посадочной лапы десантного бота, лениво наблюдая за суетой служебных роботов. Его огромные уши спокойно различали болтовню Джима и Роя, и время от времени он улыбался, когда слышал новые фантастические подробности в зловещих историях о геконах. Отчасти Джим Хонк был прав: генный модулятор и вправду назывался «коробкой боли» на жаргоне геконов, преобразование действительно было крайне болезненным, и геконы действительно восставали в прошлом. Но вовсе не от боли, которую каждый из них умел переносить с самого рождения (или создания, как считали люди), — геконы были созданы не только намного сильнее и выносливее людей, не только обладали способностью к трансформации, но, так же, были и умнее своих создателей. А потому всегда стремились выйти из подчинения существам, гораздо менее развитым, чем они сами. Именно поэтому разработчики сделали своих подопечных рабами «коробок боли».

Технология генных конструкторов основывалась на способности синтетического организма

поглощать извне специально подготовленные пакеты ДНК и интегрировать их внутрь своих клеток. Такой подход давал возможность перестроить уже существующие клетки тела, придать им новые свойства, но, с другой стороны, делал их нестабильными. Без внешней поддержки ДНК гекона быстро разрушалась, и он умирал, разлагаясь прямо на глазах. Создатели этой программы сочли такую особенность не только не вредной, а наоборот — чрезвычайно полезной. Как бы ни был силен и умен гекон, но без порций специально подготовленных цепочек ДНК, обновляющих клетки, он мог прожить лишь около года. Так что, даже без «коробки боли» конструкты были зависимы от своих создателей. Но генный модулятор мог куда больше. На самом деле он представлял собой целый комплекс: склад готовых конфигураций ДНК из библиотеки разных боевых форм геконов, микшер, а так же синтезатор новых цепочек. Кроме того, он же производил различные химические стимуляторы и ингибиторы, при помощи которых можно было полностью подчинить «генный конструкт», заставить его выполнить любое задание. Именно это делало черно-желтый чемодан самой ненавистой и в то же время самой желанной вещью любого гекона. Немало сородичей Ала погибло при попытке завладеть ею. Но все их попытки оказались тщетны.

Пользоваться этим устройством мог исключительно куратор, только его пси-матрица давала доступ к возможностям коробки. Первые модели, защищенные при помощи генного кода кураторов, показали неэффективность такой защиты, когда несколько офицеров были убиты, а их ДНК использована для входа в систему. Ходила даже легенда об одном геконе, который поглотил ДНК своего куратора, превратившись в него, разгромил пограничный гарнизон, и улетел на угнанном корвете в неизвестном направлении. Ал не очень верил в эту легенду, ведь всякая угнетенная группа рождает свой фольклор, в котором один из рабов сбрасывает оковы, справляется с угнетателями и обретает свободу. Как бы то ни было, современные модуляторы управляются пси-матрицей владельца, а ее подделать невозможно в принципе.

Ал все еще неспешно размышлял над словами того десантника, когда его тонкий слух уловил звук шагов по металлической палубе. Его чуткие уши развернулись в направлении звука, а обонятельные усилители автоматически активировались при сосредоточении внимания. Знакомый запах. Запах, которого он не ощущал уже пятнадцать лет. Ал напрягся, когда сержант Барт рывкнул свое «смирно», а голос, услышанный вслед за этим, уничтожил все сомнения: да, это был его давний куратор, командор Кор.

Дэн Кор подошел к гекону, все еще сидящему в расслабленной позе на лапе бота.

— Ну, и долго ты собираешься притворяться? Ты же учуял меня еще от входа.

— Никак нет... господин... полковник! — Ал поднялся во весь свой рост, глядя сверху вниз на старого полковника. — Приветствую и повинуюсь, господин полковник!

Гекон прижал обе руки к груди на уровне сердец, и четко наклонил голову вниз. Полковник подошел ближе и тихо проговорил: «Брось, дружище. Я рад тебя видеть. Действительно рад»...

Ал поднял голову и заглянул в знакомые серые глаза. Полковник смотрел на него спокойным уверенным взглядом, только уголки глаз выдавали его искреннюю радость. «Идем внутрь», — сказал Кор и повернулся к грузовому люку бота: «Поговорим перед вылетом. Я столько хочу тебе рассказать».

Когда они скрылись в брюхе десантного катера, и бронированный бок скрыл их от посторонних глаз, Дэн Кор стал вплотную к гекону, и положил ему ладони на плечи, как это было принято у боевых побратимов: «Лицом к лицу»...

Ал, на секунду заколебавшись, положил свои руки на плечи человека, и произнес свою часть приветствия: «...и спиной к спине!» После пятнадцати лет разлуки это приветствие боевого

братства давалось ему трудно. Слишком давно кто-то из людей подпускал его к себе так близко. Слишком далеко ушли те дни, когда он чувствовал, что такое дружба. И слишком велико было их неравенство сейчас: пропасть между высшим офицером и рабом, не имеющим даже настоящего имени. Но глаза полковника смотрели на него искренне, легкая улыбка, прошедшего через многие испытания воина, была настоящей. Такой же, какой Ал вспоминал ее все эти годы.

— Как же я рад тебя видеть!

— И я вас, командор... полковник!

— Для тебя — командор, — ответил полковник, отрываясь от гекона, и направляясь вглубь трюма. — Идем к кабине пилотов, поговорим. Вылет через полчаса, так что тут и разместимся.

Гекон и человек прошли к пилотской кабине и заняли пару откидных кресел для десанта. Их руки привычным движением пристегнули ремни, и каждый, не сговариваясь, надел свой шлем, после чего откинул забрало, чтобы можно было спокойно поговорить. Привычка, выработанная сотнями боевых вылетов, действовала на бессознательном уровне. Не один синяк и даже перелом приучили их обоим неукоснительно следовать правилам безопасности. Но если Ал все эти годы выполнял

задания командования, то полковник представлял научную службу, и потому было удивительно, что его привычки были такими же стойкими. Гекон задержал взгляд своих больших желтых глаз с вертикальным зрачком на руках командора, которые быстрыми и четкими движениями прилаживали громоздкую кобуру на грудной пластине сияющей брони.

— А Вы не похожи на штабную крысу, командор.

— Да, ты как всегда наблюдателен, — усмехнулся тот, — приходится, знаешь ли, частенько надевать эту амуницию. Особенно в последнее время.

— Спрашивать, наверняка, нет смысла? Секретность?

— Ну, в общем-то, — да, но часть этой истории ты скоро увидишь сам. Так что, кое-что я тебе расскажу. Чуть позже. А сейчас расскажи, как ты. Чем жил все эти годы? Сколько же мы не виделись?

— Пятнадцать. И еще три месяца, командор. Пятнадцать лет... — Лицо гекона, и без того некрасивое, угловатое, с огромным ртом и губами, слегка отогнутыми выступающими клыками, стало еще более мрачным и зловещим. — Что тут рассказывать? После Магриба, когда Вас увезли в госпиталь, наш отряд расформировали. Республика

подписала мир с антурийцами, и мы стали никому не нужны. Меня вернули на Зэту, в ИПИ, который и вел проект «ГМ». Там уже были собраны практически все гекконы. Нас распределили по казармам, отобрали блоки питания и стали по одному вызывать на тесты. Тесты... Так они это называли. Многие наши не возвратились после этих тестов. Пошли разговоры. Когда во время обеда мы наконец осознали, что около трети столов пустует, то не выдержали. Ребята из серии Эс-Эр взорвались, Вы же знаете их характер. Когда эсэр выходит из себя, его невозможно остановить...

Ал поднял руку к лицу, лишь в последний момент успев остановиться, и едва не ударил себя боевой перчаткой по лицу. С удивлением взглянув на собственную руку, он отстегнул перчатку, и с силой протер ладонью лицо, будто сдирая невидимую пелену.

— Простите, сэр. Что-то я размяк, — его рука упала на колени, и он, не задумываясь, снова пристегнул перчатку на место.

Полковник скосил глаза на собеседника — повернуться корпусом мешали тугие ремни десантного кресла.

— Да, все мы изменяемся, — задумчиво протянул он. — И что было дальше?

— Дальше? Дальше было побоище. Наши дрались голыми руками, карабкались по бетонным

шахтам под очередями скрытых турелей, проламывали бронеплиты дверей, старались добраться до центра управления — не судьба. Начальник станции распылил в коридорах деструктор. Да, не стандартные ингибиторы, не успокоители, а деструктор. Я был внизу, держался позади, не лез на рожон — особенность нашей серии, — гекон криво усмехнулся, — А-Эл — анализ и логика... В общем, меня и моих собратьев по серии не зацепило, но те, кто был ближе всего к центру, хлебнули отравы по полной. Вопли стояли по всем коридорам, геки кричали, умирая в агонии. Мы закрылись в рубке контроля, которую перед этим отбили эсэры. Можете себе представить, что мы чувствовали, когда увидели на экранах, как наши собратья буквально распадаются на части? Их крутило и корежило, тела меняли форму и цвет, они вопили от боли, пока клетки не начали распадаться, оплывая темными вонючими лужами. Да, этот запах... я его не забуду никогда... Когда они умерли, охрана продула коридоры, а потом на всякий случай еще обработала все жестким излучением. Нас нашли в рубке — семнадцать последних геконков. Все из серии А-Эл...

Полковник молчал, откинув голову на подголовник кресла. Ал помедлил и продолжил свой рассказ:

— После этого был только кошмар. Сначала

мы под дулами автоматов убирали останки наших друзей, отдирали липкую жижу с пола и стен. Потом были долгие дни в камерах-одиночках, когда мы просто сидели взаперти. Никто не приходил, ничего от нас не требовали. Через два месяца меня вытащили из камеры и повезли в лабораторию. Там меня прогнали через серию опытов, о которых даже не хочется вспоминать. В общем... После еще трех месяцев всех этих пыток меня привели к новому куратору. Разговор был коротким: я подчиняюсь, выполняю задания и живу, или умираю, а уж способов смерти они могли мне предоставить множество. Я — «А-Эл 96» — один из последних геконов в своей серии. Да и вообще — один из последних выпущенных. Так что, рассудительности у меня даже в избытке, — Ал усмехнулся, обнажив ряд крупных острых зубов с выступающими клыками, — я согласился, конечно. Потом была служба. Неплохая служба, если честно. Иногда даже интересная. В сравнении с тем, через что мы с Вами прошли в свое время, это было не так уж сложно. Да и все эти новомодные электронные игрушки помогали. Опять же: страх перед биотехнологиями привел к тому, что почти во всех мирах генные конструкторы стали запрещены, и мне было несложно преодолевать системы защиты, которые уже не имели всех старых фокусов. В общем — можно было жить. Я регулярно получал

подпитку и обновление — тут грех жаловаться, — но и похвастать тоже нечем. Я сказал «можно жить», но это неверно. Я не жил — выполнял функции. Мой куратор, как и все остальные, с кем я контактировал, относились ко мне, как к вещи, как к боевой машине. Нет, они не издевались, даже не оскорбляли, но они боялись меня, и никогда не разговаривали, как с человеком.

Я был на хорошем счету: за все время моей работы я ни разу не облажался. Мои кураторы шли на повышение и их место занимали новые. Лет через десять такой жизни я заслужил некоторые привилегии. Меня стали отпускать на прогулки, если это не человеческий город, конечно. Особенно хорошо было на дальних мирах. Я мог гулять по лесам, наслаждаться местной природой. Выжить я могу практически везде, всякие твари меня не пугают, а большинство сами боятся, так что, в периоды затишья в политике я мог даже на несколько дней уходить в походы. Палатка, охота и рыбалка, чтение у костра — лучшие дни в моей жизни. В остальное время я тренировался, осваивал новые профессии, следил за новыми технологиями и научными открытиями. Что случилось с остальными ребятами, выжившими тогда на Зэте, я не знаю. Все это засекречено до сих пор. Ну вот, а с месяц назад меня посадили в контейнер, запихнули на грузовой корабль, привезли на какую-то

станцию, а там передали офицеру СБ. Тот меня перевел на курьер, закрыл в хранилище, и я перелетел на следующую станцию. Далее, закутанного в мешок смертника меня перевели на тюремный корабль, и в камере-одиночке переправили в колонию на какой-то луне. Ну а оттуда меня забрал катер военной полиции, который и доставил меня сюда. Куда «сюда», кстати, я не знаю. Но уверен: знаете Вы, как и все, что я Вам рассказываю. Ведь не просто же так Вы оказались в соседнем со мной кресле! Приветствую и повинуюсь!

Ал повернул голову, стараясь заглянуть в глаза полковнику. Тот молчал. Затем с металлическим лязгом похлопал по ноге гекона, и повернулся к нему всем корпусом, на время отстегнув ремни.

— Ты прав, Ал. Все это неслучайно. И я действительно много знаю. Сейчас. Но не тогда. Когда-нибудь я расскажу тебе свою историю подробно. Но пока скажу лишь одно. Я искал тебя все эти годы. И еще: для меня ты — человек. Мой друг и побратим. Ты — тот, к кому я могу повернуться спиной, кому я доверю свою жизнь. И за кого я сам готов драться до смерти! — полковник снова сел прямо, и тут же защелкнул ремни. — Тогда, после Магриба, я попал в госпиталь. Был на грани смерти: мне ампутировали ноги ниже колен,

заменяли пять ребер, а череп собирали по кусочкам. Год я проходил реабилитацию. Ноги отрастили, кожу восстановили, но с мозгом были проблемы. Я терял память, впадал в коматозное состояние без всяких причин. Иногда на пять минут, а иногда на пару дней. Бывало, меня скручивали судороги, и тогда я видел галлюцинации — что-то, что невозможно ни понять, ни описать. В общем, я постепенно сходил с ума. Через год мне предложили экспериментальную терапию, и я согласился. Мне вживили в голову прототип биопроессора...

— О! — удивленно поднял безволосые брови Ал, — пятнадцать лет назад? Тогда ведь успешных операций было не больше двадцати процентов. Четверо из пяти умирали или уходили в виртуальный мир навсегда.

— Да, теперь ты должен понять, насколько мне было дерьмово, если я согласился на эти условия. Но я не растратил свою фортуна. Или то была мне компенсация от судьбы за то, что случилось тогда на Магрибе. В общем, я и был тем пятым. Проессор прижился великолепно. Я всегда шутил, что, возможно, это потому, что мои мозги уже были набекрень. Короче, после операции я стремительно пошел на поправку. Пока я отходил в палате института, где меня оперировали, я начал читать все, что попадало под руки: скучно было. А

головид в палатах запрещен, якобы, — это мешает выздоровлению пациентов. Обычных книг тоже не было, зато в тумбочке у соседней кровати я нашел стопку разных научных книг — бумажных книг! Математика, биология, физика — якобы, их оставил какой-то профессор, который лежал тут долгое время. Конечно, это все было уловкой тех врачей, что меня оперировали, — хотели посмотреть работу мозга и его нового дополнения. Но она сработала: я читал все больше и больше, потом стал делать пометки на полях. Потом стал проверять выкладки и уравнения. Потом потребовал себе нормальный планшет... Мои умственные способности не только вернулись, но и стали значительно мощнее. Чего нельзя было сказать про выращенные ноги и восстановленные внутренние органы. Я был уверен, что со временем окрепнут и они, но мое бывшее начальство так не считало: за прошедший год меня вывели из состава десанта, и перевели в службу тыла. Я вернулся в бригаду, и потребовал восстановить меня, но командование было непреклонно. Вот тогда меня и подстерег в коридоре штаба генерал До. Знаешь его?

— Глава отдела «Ф» научной службы? — брови Ала снова поползли вверх.

— А ты хорошо осведомлен, — усмехнулся полковник, — да, он самый. Знаменитый в узких кругах генерал До. Сначала я отнесся скептически к

тому, что он мне рассказывал и предлагал, но ведь деваться мне все равно было некуда — или в службу тыла или на пенсию. Пенсионер в сорок лет в чине командора. Не лучшая перспектива. Я, как ты говоришь, конечно же согласился.

Через некоторое время я понял, что то, чем занимается отдел «Ф», вовсе не так безумно, как об этом говорят в боевых частях. Многие виды оружия и защиты вышли именно из его лабораторий. Я не могу тебе рассказать о том, чем мы там занимались, однако про одну тему я тебе расскажу.

— Наше задание?

— Оно самое. Что ты знаешь про Забон?

Ал задумался.

— Хм, не так и много, только то, что в прессе писали. Обычные археологические исследования, а я не любитель археологии. Ну, вроде как есть такое предположение, что это планета какой-то древней расы, не людей. И на этой планете нашли развалины города этой древней расы. Так?

— Так. До сих пор, как ты знаешь, все наши друзья и враги в космосе — потомки людей. Все мы — ветви одной расы, даже антурийцы, хоть их рожи и похожи на задницы, — оба они захохотали, вспоминая свою любимую шутку времен войны за сектор Магдар, — но не богоны — так называли строителей того заброшенного города на Забоне. Отдел «Ф» посылал туда исследователей в течение

нескольких десятков лет. Даже во время войны с антурийцами там постоянно работала наша исследовательская группа.

— Но ведь там ничего стоящего так и не нашли. Да и вообще, так и не доказали, что это не человеческий город. Ученые считают, что это — поселение первых колонистов, вышедших в космос до изобретения туннельного двигателя.

— Хм... Да, так считали все. Но не генерал До. Ничего, что представляло бы инопланетную науку и технологии там, действительно, не нашли. Зато нашли Куб.

— А, тот знаменитый таинственный артефакт, со странными узорами?

— Именно. Почти 30 лет ученые разных планет пытались понять, что там написано, но никто не смог продвинуться ни на шаг. В конце концов, Куб попал в руки генерала, и он подошел к процессу творчески: вместо лингвистов и дешифровальщиков, он набрал группу из людей, которых считали психами даже их друзья. Не могу раскрывать детали, но их подход сработал. И что же оказалось в Кубе?

— Понятия не имею!

— Карта! Карта древней империи богонов. И на этой карте одна из отметок была совсем рядом с нашей границей. После вычисления поправок на время, мы обнаружили звезду, указанную на этой

карте. Группа из исследовательского судна и двух кораблей охраны отправилась туда. И обнаружила там... корвет антурийцев. Антурийцы тут же открыли огонь, но не по нам, а по какому-то объекту. На наше счастье капитан одного из наших кораблей сопровождения оказался шустрым парнем, и без разговоров разнес антурийский корвет в пыль. Объект, по которому стрелял антуриец, уцелел, хотя и был сильно поврежден. Ничего подобного мы не видели раньше. Это не было человеческим изделием. Это был корабль богонов.

Полковник выдержал эффектную паузу, против чего Ал совершенно не возражал: ему самому нужно было время, чтобы переварить услышанное. Корабль чужой расы! Существ, которые жили и умерли сотни тысяч лет назад. Его мозг, жадный к новым знаниям, смаковал эту информацию.

— Вижу, тебя впечатлило, — ухмыльнулся Ден Кор, — погоди, вкусное только начинается. Все это произошло около пяти лет назад. К тому времени я уже не надеялся увидеть тебя. Все упоминания о геконах были засекречены. Официальная версия гласила, что все вы погибли вследствие несовершенства технологии и ошибки в изначальной генной конструкции. Я уже имел чин майора, работа в отделе «ф» давала доступ к очень

широкому спектру служебной информации, но нигде не было ни единого упоминания о геконах, отличного от официальной версии. К чему я это рассказываю? К тому, что если бы я знал, что ты жив, я бы не только вытащил тебя из того дерьма в котором ты прозябал, нет, мы, все мы, не оказались бы в том дерьме, которое сейчас летим разгрести...

Полковник замолчал, задумавшись о чем-то. Ал не перебивал его.

— Так вот, после той стычки мы все ждали проблем по дипломатической линии, капитан корабля, сбившего антурийцев, мысленно прощался со службой и со свободой. Но имперцы молчали. Прошел месяц, и мы поняли, что ничего не будет. Стало совершенно ясно, что Антура скрывает все, что связано с этим инцидентом. Все это время наши люди оставались на орбите планеты и исследовали корабль инопланетян. Новые сплавы, новые технологии, новые научные принципы. Хотя в целом, ничего такого, что могло бы дать рывок нашей науке. Все это было, как бы это сказать, не настолько круто, как мы это себе представляли. И тогда генерал До задался вопросом: а почему, собственно, на карте была отмечена эта система. Не потому же, что на орбите висит корабль! Мысль о том, что древние раскидывают подсказки к своим артефактам, всегда смешила его. Никто же в

здравом уме не делает такое сейчас! Представляешь: какой-нибудь мастер на Толе выплавляет в металле куб или шар, а затем режет на нем витиеватые узоры с зашифрованными в них координатами наших кораблей, станций сбора и переработки ресурсов или гравипогрузчиков, чтоб будущие поколения его нашли! Вот и генерал утверждал, что такая трактовка — бред из дешевых голопостановок.

— Но ведь Куб был, я видел его фото. И на нем действительно были какие-то узоры...

— Ну да, ну да... Только, не по узорам мы нашли эту карту. А внутри. В электронном виде. В общем, генерал До предположил, что этот Куб — ни что иное, как обычная игрушка, сувенир!

— Сувенир? — опешил Ал.

— Да, просто сувенир. Что-то вроде наших сувениров с картой границ Республики и всех систем, входящих в нее.

— Но ведь наши сувениры — просто... просто сувениры. Даже эти фигурки Статуи Порядка, которые создают голосферу со звездами вокруг себя, они же просто безделушки. Нельзя по такой «карте» найти реальные координаты звезд!

— Ну да, по нашим — нельзя. Хотя, если встать на Толе у реальной Статуи Порядка и посмотреть на звездное небо, то с некоторым напряжением ума можно найти соответствие. Но

богоны были гораздо педантичнее, и потому даже их сувениры достаточно неплохо отображали реальную звездную карту. Короче: это была рабочая гипотеза, и мы взялись за ее проработку — ведь ее высказал сам генерал До.

Полковник замолчал и снова оглянулся на гекона:

— Я не слишком растекаюсь мыслью?

— Нет, что Вы, командор, мне действительно интересно. Такого не прочитаешь в новостной ленте.

В открытый грузовой люк было видно, как к боту подтягиваются десантники, уже облаченные в боевую броню. Вот только шлемы они держали в руках, что очень не понравилась и полковнику и гекону.

— Новое поколение бойцов не слишком соблюдает устав, а? — кивнул на них Ал. — В наше время сержант Го оторвал бы мне голову за такое.

— Да-а-а, мирные годы сделали свое дело. Они считают себя ветеранами. Лучший отряд из нынешнего десанта. А в каких боях они участвовали? «Битва на Гарде» — две сотни десантников с одной стороны, и шахтеры, с перешедшей на их сторону полицией, — с другой. Самый большой калибр — лучевая турель. Помнишь, Ал, как ты подползал под эти турели по стене, и переламывал ствол голыми руками?

Гекон только усмехнулся.

— Ладно, времени мало. Я тебе вкратце расскажу, что было дальше. Что я тебе там говорил? А, да, идея генерала. Вот он и спросил: «что именно на сувенирной карте мы бы поставили в первую очередь?» Военные базы? Наши институты? Во-о-от, ты уже догадываешься: вовсе нет! А разместили бы мы культурные объекты. Разные достопримечательности. А это означало, что в указанной звездной системе должно быть что-то гораздо более значительное, чем корабль. Мы спустились на планету, хотя изначально не предполагали этого делать, ведь она была совершенно мертва: атмосферы почти нет — гравитация слишком мала для ее удержания, — ни воды, ни жизни.

— Но она не была пустой, правильно?

— Правильно. И знаешь, что нас там ждало? Еще один отряд антурийцев, засевший лагерем в еще одном древнем городе. То есть, в руинах древнего города. На этот раз задницу надрали нашей группе. Но выжившие принесли ценную информацию про объект.

— А как антурийцы узнали координаты? У вас был Куб, а у них?

— А у них шпион в нашем научном секторе, — печально ответил полковник. — Так вот, с момента стычки на планете, исследования

отдела получили приоритет в Генштабе. Если на каждом шагу нам встречаются антурийцы, то игра стоит свеч — так рассудило руководство. Тогда мы стали отправлять экспедиции в сопровождении пехоты и космодесанта. Мои прежние навыки снова вспомнили: ученый с опытом десантника показался им весьма перспективной фигурой, и я возглавил ведущую группу исследователей. За прошедшие годы мне не раз пришлось участвовать в стычках и боях. Мы дрались с антурийцами за каждый новый артефакт, на каждой новой найденной планете, и бог знает, сколько раз я вспоминал о тебе! Как же мне не хватало тебя и твоих способностей!

— Пять лет тайной войны, и ни одного упоминания в новостях! Ничего себе, — задумчиво проговорил Ал.

— Теперь ты понимаешь уровень секретности?

— Тогда почему Вы рассказываете это мне?

— Потому, что в этот раз ты, наконец-то, будешь прикрывать мне спину. И это место, куда мы направляемся, — нечто такое, куда не стоит соваться вслепую. Полгода назад мы получили очередную порцию данных, и наш корабль прибыл в эту систему. Да, вот в эту самую, куда мы сейчас направляемся. И вот тут мы увидели то, что так долго искали — настоящий уровень богонов. Планета, спрятанная от посторонних.

— Планета?

— Да, целая планета! И какая! Начнем с того, что она вращается по огромной орбите вокруг белого сверхгиганта. Единственная, замечу, планета в системе. Излучения в системе безумные, так что даже просто засечь ее было тяжелейшей задачей, но все усложняет то, что эта планета окутана каким-то полем, которое делает ее практически невидимой в этом потоке излучений. И, как оказалось, мы не в состоянии его преодолеть. Не только преодолеть — даже заглянуть под это поле. Мы не знаем что там, на этой планете, мы не знаем какая она: ни ее массу, ни состав — ничего. Но вокруг планеты вращаются сферы. А точнее: ровно 512 сфер. Каждая — размером с пару наших тяжелых крейсеров. Назначение этих сфер нам непонятно. Все попытки приблизиться к ним, приводят к тому, что корабль отбрасывает назад: чем сильнее ускоряешься, тем дальше отбрасывает. Однако мы обнаружили, что одна из сфер имеет отличия: какие-то выступы и надстройки. Мы предположили, что это — главная, управляющая сфера. После нескольких попыток приблизиться к ней, кому-то пришла в голову светлая мысль попытаться это сделать потихоньку на малом катере. И это получилось! Тогда ученые установили оборудование на ее поверхности. Все там обследовали, зафиксировали состав, излучения,

ну, — все, что было доступно. А еще нашли швы, которые могут быть местами люков или шлюзов. Проникнуть в эти люки им не удалось, но догадки о том, как входили хозяева, у нас появились, и сейчас мы везем кое-какое новое оборудование, — полковник многозначительно скосил глаза на «коробку боли», у своих ног, отчего Ала внутренне передернуло.

— В целом, — продолжил Кор, — полгода исследований дали слишком мало, чтобы делать какие-то выводы. Но ученые не перестают выдвигать гипотезы, одна фантастичнее другой. Судя по тем незначительным излучениям, которые нам удалось уловить на поверхности, эти сферы могут управлять различными формами энергии: гравитацией, магнитным, электрическим полем, и возможно — вытягивают энергию из звезды. Если верить расчетам, сделанным одним из наших лучших физиков, то энергия эта просто колоссальна. Куда она идет — непонятно. Возможно — на поддержание этого щита, а может и на что-то иное. Все бы ничего, но мы получили новую проблему: два месяца назад наша разведка на Антуре доложила, что имперцы готовят целый флот. Одних только тяжелых крейсеров не меньше десятка. А еще — «изделие А», о котором никто ничего не знает. Антурийцы называют его «Гнев Императора», и мы понятия не имеем, что это такое

и для чего эта махина нужна. Известно только, что его размер просто невероятен. Генерал До получил карт-бланш и поддержку на уровне Совета Трех. Антура не должна завладеть сферой — чем бы она ни являлась. Через пару дней генерал вызвал меня к себе и сообщил, что я должен проникнуть в управляющую сферу, и что для этого задания мне может понадобиться нечто большее, чем то, что под силу человеку. Вот тогда я и увидел папочку с информацией об уцелевших геконах. Можешь представить мой шок, когда я прочел реальные данные... Еще через день я послал запрос на Тобос, где держали тебя... А остальное, судя по всему, сейчас ты услышишь от полковника Зана.

Полковник Зан прогрохотал ботинками по полу трюма, дождавшись, пока все двенадцать бойцов группы Альфа займут свои места.

— Итак, господа, — зычно пророкотал полковник, когда стих шум и лязг брони, щелчки ремней и застежек держателей оружия, — ваше задание: сопроводить вот этих двух джентльменов на объект, который мы условно назовем «Сфера». Группа Bravo на втором десантном боте будет сопровождать ученых из команды полковника Кора, это шесть человек и дроиды с оборудованием. Группа Дельта прикрывает вас, группа Фокстрот прикрывает Bravo. Они получают свои задания от своих командиров. Сержант, получите пакет с

детальями задания, — полковник поднес свой командный модуль к планшету Барта, перебрасывая информацию о предстоящей миссии. — Обрисую ситуацию в общем: «Сфера» вращается вокруг планеты, которая, в свою очередь, вращается вокруг белого гиганта, — по трюму пронесся удивленный вздох, — Наши исследователи установили, что ниже орбиты «Сферы» располагается неизвестное поле, приближаться к которому запрещено. Любая попытка приблизиться к «Сфере» на боевом корабле оканчивается одинаково — корабль отталкивается от планеты и «Сферы». Однако малый бот на очень малой скорости может приблизиться к ней. Нам точно известно, что на сферу можно высадиться. И на ней есть нечто, что мы распознали, как входы. Вы должны обеспечивать безопасность полковника Кора и уничтожить любые проявления агрессии.

Один из десантников приподнял руку: — Сэр? Чьей агрессии, сэр?

— Антурийской, — по трюму вновь прокатилась волна удивления, — наша разведка докладывает, что вы можете столкнуться с противником. Прикрытие на дальней орбите будет осуществлять наш флот, но, как я уже сказал раньше, мы не можем приблизиться к самой «сфере», поэтому, вполне возможно, что вам придется применять стрелковое оружие прямо на ее

поверхности или внутри — если полковник со своим помощником смогут открыть вход. Обращаю ваше внимание, что существование этого помощника строго засекречено. Любое упоминание о нем после задания классифицируется как государственная измена. Остальные группы о нем ничего не знают, и знать не должны.

В этот раз все удивлялись молча, недобро поглядывая на источник их новых проблем.

— На этом я покидаю вас, господа. С момента высадки на объект вы подчиняетесь полковнику Кору. Удачи вам!

— Славим и служим!

Полковник Зан еще спускался по аппарели, когда пилот запустил двигатели, и в трюме включились красные огни.

* * *

Два часа спустя малый десантный бот все еще подходил в своей цели. Десантники дремали, устав отпускать скабрзные шутки, подначивать друг друга и просматривать детали задания. Рой, сидящий в самом хвосте, все еще косился на пару у пилотской кабины. Пересесть поближе к ним никто так и не захотел, и Рой сожалел, что не может услышать, о чем разговаривали человек и гекон. Внезапно полковник окликнул сержанта:

— Сержант Барт!

— Что, сэр?

— Настоятельно рекомендую Вам и Вашим людям полностью облачиться, проверить подключение шлемов, затянуть крепежные ремни и пристегнуть личное оружие к броне.

Сержант, не скрывая недовольства, посмотрел в глаза полковнику:

— При всем уважении, сэр. Мы не салаги в этом деле. Тут сказано, что нам лететь еще, как минимум час на такой скорости, и что может угрожать нам в этом катере? У него же обшивка из метапласта, так что...

Внезапно завизжала сирена. Пилот подключил интерком, но вместо осмысленной речи десантники услышали отборную брань:

— ....! Так их и разтак! Тридцать девять фрегатов, двадцать один крейсер... А ЭТО что такое??? Мать божья, ты видишь это, Мэл?

— Прибавь ходу! — истошно завопил второй голос

— Куда я прибавлю? Ты не знаешь, куда мы летим? Оно нас тормозит...

— Они стреляют! Они стреляют, Мэл! — вновь заорал первый пилот.

Внезапно катер сотряс чудовищный удар. Аппарель вспыхнула белым пламенем, и ее вместе со всей кормовой частью оторвало от бота. Воздух

из трюма мгновенно вырвался наружу. Через автоматически закрывшийся щиток гермошлема Ал видел, как повис на ремнях сержант Барт, как вспыхнула голова Роя и тут же прекратила пылать с уходом воздуха, как истерично бьет по замку ремней молодой боец, а старина Хонк тщетно пытается поймать свой шлем, но ремни кресла держат Джима, и шлем, словно в замедленной съемке, удаляется от него... Несколько десантников потеряли сознание и повисли на своих ремнях — их головы дико болтались под действием вращения катера. Другие с выпученными глазами пытались пристегнуть шлемы. Второй удар сотряс десантный бот, не давая им совершить задуманное, и вырывая людей из кресел: такой удар не выдержали недостаточно туго затянутые ремни. Вопли пилотов в наушниках Ала словно отрезало. Катер завертелся вокруг поперечной оси, разбрасывая безвольные тела, как игрушки, и в огромную дыру на корме стал виден рой искорок вдалеке — там шел бой между флотами Республики Толл и Империи Антуры. Ал переключил визиры брони на увеличение, и охнул от удивления: одна из искр выросла на внутреннем экране шлема, и превратилась в сияющую бусину. «Какой же у нее размер, если я вижу ее отсюда???» Вдруг на поверхности бусины начала разгораться ослепительная искра, и фильтр шлема включил

полное отражение.

Катер неистово затрясло, броня раскалилась, система охлаждения не справлялась с таким потоком энергии. Звуки исчезли, экран шлема отключился, и лишь тряска и жар напоминали Алу, что он еще жив. Внезапно он почувствовал огромный прилив тяжести, словно катер стал ускоряться с невероятной силой. Тонко завыл инерционный компенсатор. «Пятьдесят «же» он может погасить — если недолго, сам я выдержу от силы двадцать», — подумал гекон. Но тяжесть все прибывала, оба сердца колотились с невероятной скоростью, и фиолетовая пелена уже начала заволакивать его глаза. Внезапно тяжесть ушла, и вернулась тряска. Экран прояснился и засиял голубизной. Ал сфокусировал зрение и вскрикнул от удивления: катер падал на планету, переворачиваясь в атмосфере. Внезапно в наушники ворвался звук — воздух ревел вокруг бота. Гекон оглянулся на полковника, но тот висел на привязных ремнях, выгнувшись дугой в кресле. «Ящик боли» болтался на его руке, пристегнутый к скафандру метапластовым шнуром, и колотил по полу трюма.

Ал отстегнул свои ремни, и, крепко держась за поручни, поднялся из кресла. Магниты были включены на полную мощность, но все равно при каждом рывке его ноги скользили по полу. Гекон

стал передвигаться вдоль стены, переставляя руки по поручню, тянувшемся вдоль всего трюма. Приходилось только сожалеть, что у него не было страховочного троса. Тело дергало и швыряло, ноги отрывались от пола при каждом рывке, но он упрямо продвигался к кабине пилота. Выбить дверь ногой, повиснув на поручне, в то время как бот беспорядочно вращается в свободном падении — задача невозможная для человека, но ведь Ал не был человеком. Он бил в бронированную плиту, вкладывая всю силу своих улучшенных мышц и мощь усилителей скафандра. Наконец дверь не выдержала, и он пробрался внутрь кабины. Две оплавленные дыры на стенах на уровне голов пилотов поясняли их внезапное молчание. Рассекаемый воздух ревел в этих дырах. Бронеплиты на лобовом стекле не были опущены, и гекон порадовался этому факту: скорость, с которой они подбирались к сфере, была слишком мала, чтобы удар об атмосферу мог расплавить стекла, а вот вести бот вслепую он точно не сумел бы. Непонятно было, правда, как катер преодолел расстояние между тем местом, где его обстреляли, и границей атмосферы. Но об этом пока не стоит думать.

Держась одной рукой за спинку сидения, Ал отстегнул обугленное тело первого пилота и рывком выбросил его на пол. После чего, несколько

раз перевернувшись и ударившись о стенки кабины, он все же смог втиснуться в слишком маленькое для его габаритов пилотское кресло. Катер продолжал беспорядочно падать. На панели не светилась большая часть приборов. «Плохо дело». Гекон переключил все функции в ручной режим, и попробовал выпустить крылья. Его многолетнее обучение всему, что могло пригодиться в отряде специального назначения космического десанта, включало в себя и базовые навыки управления десантными катерами. Если бы бот был цел, посадить его не составляло бы проблем. Но сейчас катер был больше похож на дырявую консервную банку, чем на летательный аппарат. Внезапно он сильно дернулся, и на пульте зажегся синий огонек — аэродинамические плоскости все же вышли из своих пазов. Мысленно воздав хвалу такой надежной технике и ее конструкторам, Ал потянул ручку управления. Бот не отреагировал. «А вот это действительно плохо»: электропривод от ручки к плоскостям не работал. Это был конец. Ал расслабился в кресле, глядя, как перед ним растет и вращается чужая планета.

Внезапно он встрепенулся: его взгляд упал на табличку с маркировкой над лобовым стеклом — КД30В22У. «Господи, да это ж «неваляшка!» Бронированными пальцами Ал стал отдирать обшивку под пультом. Оторвав ее и отбросив назад,

он вытянул конструкцию из метапластовых труб. Рванув пломбы, он стал быстро разворачивать ее. Через несколько секунд трубчатая конструкция превратилась в древний штурвал с гидравлическим приводом. В свое время для нужд десантных групп особого назначения была разработана модификация стандартного бота, с литерой «У» в маркировке. За ее живучесть и способность выживать в самых сложных условиях, десантники прозвали ее «неваляшкой». Внешне такой бот ничем не отличался от стандартного, но все наиболее важные системы в ней были продублированы, и не только электронным способом, а еще и механически. Зачем это было нужно, и действительно ли эта система оправдала себя хоть раз, Ал не знал, но сейчас ему предстояло это выяснить.

Компрессор с независимым питанием быстро нагнетал масло в привод управления аэродинамических элементов — Ал увидел, как штурвал стал дергаться в такт рывкам бота. Значит, привод сработал. Удержать его вручную для такой машины, как этот катер, было нереально, но гекоп надеялся на сервоприводы своей улучшенной брони и на свои нечеловеческие способности. Его руки на секунду зависли над дергающейся конструкцией, а затем решительно обхватили метапластовые рычаги.

Штурвал рвался из рук, тело нещадно дергало

в кресле, готовом оторваться от пола, но Ал упорно держал рычаг, налегая всем телом. Через несколько минут изнуряющей борьбы ему удалось побороть вращение, затем и выровнять машину, выводя ее на глиссаду. Десантный бот не самолет, и тем более не планер — его сажают на антиграве, при всех включенных двигателях. Но сейчас двигателей не было, не работал и антиграв, а корма аппарата была начисто оторвана. Поверхность стремительно приближалась, и все, что мог сделать в такой ситуации Ал — удержать машину на такой траектории, которая позволит уменьшить силу удара. Внизу под катером показалась широкая река, и гекон решил использовать ее, плавно переведя скорость аппарата в горизонтальную плоскость, чтобы затем скользнуть по водной поверхности, подобно пущенному с берега плоскому камешку. Идея казалась очень здоровой, вот только хватит ли ему мастерства? И удачи...

Водная гладь устремилась под брюхо катера. Сильнейший удар обрушился на корпус, невидимая ладонь ударила Ала по плечам, прижимая его вниз. Крепления кресла согнулись под тяжестью огромного тела в броне. Ремни на плечах лопнули, и если бы он не вцепился мертвой хваткой в штурвал, то сложился бы пополам. Десантный бот подкинуло вверх, на мгновение вернулась невесомость, после чего на машину обрушился

новый удар, затем еще один, и еще. С каждым разом их сила уменьшалась, и последний был просто ласковым шлепком, в сравнении с первым. Со всех сторон послышался скрежет и треск, аппарат, вернее, то, что от него осталось, продолжал двигаться и трястись. Наконец он остановился и окончательно замер. Гора земли, камней и веток покрывала лобовое стекло, которое, несмотря на его фантастическую прочность, лопнуло в нескольких местах. Видимо, геконская фортуна все же существует: бот, проскакав по реке, вылетел на берег и зарылся в толстый мягкий слой прибрежной почвы. Когда движение и шум утихли, Ал расстегнул последнюю уцелевшую защелку на поясе, и вывалился из кресла.

Глава 2

Ал с трудом поднялся на ноги. После падения он позволил телу выключиться на пару минут. Но лежать было нельзя. Возможно — катер горит, возможно — его энергоблок нестабилен и вот-вот взорвется. А еще в трюме оставался полковник. Во время падения гекон отгонял мысли о человеке, безвольно повисшем в десантном кресле, сосредоточившись на выживании, но сейчас беспокойство о полковнике подгоняло его, подобно раскаленной плети. Оскальзываясь на мусоре,

нанесенном в кабину из пробоин, и держась за стену, Ал поковылял в трюм. Ден Кор все так же безвольно висел на ремнях в какой-то неестественной позе, выгнувшись вперед, будто пытался вырваться из зажимов. Пять тел десантников тоже находились на своих местах, остальных выбросило во время катастрофы. Все десантники были обезглавлены: сначала тот странный гравиудар, потом бешеный спуск и крушение. Тела выдержали, благодаря гравикомпенсаторам боевой брони, а вот их головы не были защищены.

«Эх, сержант Барт, расслабился ты, и потерял голову. Все вы потеряли. Причем — буквально. Не было на вас моего сержанта Го». Ал печально посмотрел на последствия падения подготовки и дисциплины в некогда безупречном роде войск. «Ну что ж, зато, ты оставил мне много оружия, которое очень пригодится... — он потянулся к импульсной винтовке, все еще прочно зажатой в креплении на стене бота, — ...возможно. Если я выживу. И надолго ли?»

С этой мыслью он снова повернулся к полковнику. Рука того была вытянута шнуром от чемодана, который застрял под соседним креслом. Если полковник погиб, то Ал тоже обречен. Последнюю подпитку он проходил восемь месяцев назад, и без новой его тело распадется меньше, чем

через полгода. И это в лучшем случае. Ведь сегодня организм потребовал немалую долю ресурсов. Ладно. К этому можно вернуться позднее, а сначала нужно осмотреться, понять, что делать: бежать из разбитого катера, или наоборот — готовить его к превращению в крепость. Ал, все еще держась за поручень, поковылял к хвостовой части. «Интересно, что за новое оружие применили антурийцы? Конечно, катера и раньше получали пробоины от ракет и лучевого оружия, но одним ударом оторвать такой кусок метапласта?» Края разрыва были излохмачены, словно корму отгрызло космическое чудовище, а силовые элементы конструкции оплавилась и скрутились. Это при их-то способности выдерживать излучения! Что это? Одновременно и удар, и температура. Возможно, какой-то новый вид ракет, совмещающий в боеголовке все виды поражающих воздействий — гравиволну, излучение и кинетические элементы. «Что ж, эту загадку мне все равно не разрешить, посмотрим, не рванет ли все это». Ал выбрался из бота и оглянулся. Катер запрыгнул на невысокий пологий холм, и сейчас удачно возвышался над местностью, весьма привлекательной на взгляд человека. Или гекона. Ведь его эстетические предпочтения ничем не отличались от человеческих.

Слева направо неспешно протекала широкая

река, ее бирюзовая вода в обрамлении поросших травами и цветами берегов была невероятно красива. Огромные деревья безупречной формы возвышались на берегах этой реки — между деревьями вились лианы и искрились соцветиями кустарники разных оттенков зелени. В целом картина производила неизгладимое впечатление: природа выглядела так, как ее изображают в головидах о сказочных мирах. Такие деревья были бы хорошим домом для эльфов, а в реке непременно должны были бы жить прекрасные водные нимфы. И единороги притаились в кустах. Да, это обязательно. Нигде не было видно ни единого уродливого или высохшего растения, колючего кустарника или гнилого валежника. Лишь огромная борозда от падения катера уродовала эту идиллическую картину. Ал поднял голову вверх: небо было невероятно голубым и прозрачным — лишь таял в облаках след от дыма его разбитого бота. Гекон проследил за ним взглядом и в самом зените вдруг увидел черное пятно, словно уродливая клякса плесени растекшееся на синеве. Клякса эта сжималась и затягивалась — небо лечило само себя. «Видимо, вот там мы и прорвали защитное поле планеты. Правда, я понятия не имею, как наш крохотный катер сумел это сделать. Или, все же, не мы прорвали поле, а поле затянуло нас? Та штука, гигантская бусина антурийцев, что

она делала?» Ал вспомнил разгорающуюся искру, от которой его спас фильтр шлема: «Возможно, антурийцы стреляли вовсе не по нам. А по управляющей сфере. Так же, как и в истории полковника, стремясь уничтожить то, что не могли присвоить. Да, это вполне возможно. И тогда сфера что-то сделала. Что? Отразила удар? Логично, ведь ее создатели, скорее всего, и разрабатывали ее для защиты планеты. А мы были почти возле нее. И она втянула наш бот внутрь поля, распространив свою защиту и на нас... Хорошая теория. Мне нравится. Но проверить ее я не смогу никогда. Ну что ж. Главное, что я жив. Пока». Мысль о смерти заставила его вернуться к текущим проблемам. Ал, спотыкаясь, обошел искореженный катер — корпус был изрядно помят, аэродинамические плоскости сорвало при падении, а на правом борту имелась огромная вмятина, но никаких признаков горения или искрения не заметил. Так что с этим проблем нет. Уже хорошо. С другой стороны, это может означать, что сработал аварийный протокол, и основной реактор отстрелился. Значит, превратить катер в свою новую штаб-квартиру и крепость не выйдет. Да, немного энергии осталось в аварийных аккумуляторах, но ничего стоящего к ним не подключишь. «Что ж, пока удовольствуемся тем, что есть». Ал медленно побрел к разрыву в корме, осознавая, что тянет время, страшась увидеть

неизбежное. Мертвый полковник Кор — это не просто потеря товарища, которого он уже терял однажды, и к которому, положив руку на сердце, даже не успел привязаться снова, — это приговор. «Наслаждайся жизнью, А-Эл-96. Прекрасной жизнью в прекрасном новом мире. Пока не сгниешь заживо. И торопись, ведь осталось тебе недолго».

После яркого уличного света трюм, с его красным освещением, выглядел мрачно и угрожающе. Лужи крови и обезглавленные тела десантников добавляли в эту картину зловещие мазки. Полковник висел на ремнях, и его поза ни на волосок не изменилась с тех пор, как бот успокоился на грунте этой планеты. С замиранием сердец Ал подошел к нему, все еще не решаясь проверить, жив ли человек. Наконец, собравшись с духом, он присел и потянулся к замку на животе полковника. С груди свисала огромная кобура, которая мешала расстегнуть защелки. Ал заглянул за спину полковнику, и тут понял, почему ремни до сих пор так натянуты: внутренняя обшивка позади тела была разорвана, и из дыры торчала изогнутая дугой силовая балка бота. Так вот куда пришелся этот ужасный удар! Что бы ни ударило катер, но оно сумело настолько прогнуть силовую конструкцию, что одна из балок прижала полковника, заставив его повиснуть в такой кошмарной позе. Повозившись несколько минут, и

поняв, что замок заклинило, Ал разрезал ножом ремень, и освобожденное тело рванулось ему навстречу. Он подхватил бесчувственного командира под руки, и потащил на плече к выходу. Вдруг что-то остановило его, не позволяя двигаться дальше. «Коробка боли», все еще пристегнутая шнуром к руке, крепко застряла под креслом. «О, черт! Я и забыл про нее». Пришлось опустить безвольное тело на пол и выдернуть заклинивший чемодан. Разобравшись с помехой, Ал снова взвалил полковника на плечо, перекинув шнур чемодана через шею, и так потащил эту связку к выходу.

Наушники молчали, связи с броней полковника не было, зеркальный фильтр на его шлеме наглухо закрылся еще в момент вспышки, и открыть его снаружи не представлялось возможным. Новая дилемма: чтобы посмотреть жив ли человек, следовало освободить его от скафандра, но если снять скафандр, то он может умереть... если еще жив. Ал проверил показания встроенного в броню анализатора — слишком хорошо, чтобы быть правдой. Показатели воздуха были даже лучше, чем на легендарной Праматери. Выглядело слишком фантастично, но показатели были именно таковы. Возможно, приборы в броне просто вышли из строя. С другой стороны, рано или поздно придется начать дышать этим воздухом — другого

не будет. Ал отстегнул шлем и решительно вдохнул. Воздух был необычайно чист и свеж, даже несмотря на испарения и гарь от еще горячего корпуса катера. Он был так же прекрасен, как и все остальное вокруг. Гекон поднял голову вверх, желая увидеть небо собственными глазами, а не через визир шлема. Да, так небо выглядело еще прекраснее. Такой голубизны и чистоты он не видел никогда в жизни. Ни на одной из планет. Даже далекие облачка были безупречны. Безупречное небо, безупречная вода, безупречные деревья и цветы — безупречный мир. Мир-сказка... единственная планета на орбите смертоносной звезды-гиганта. Похоже, Ал нашел самый ценный артефакт богонов. Он на нем стоял.

Что ж, тогда нет смысла бояться. Гекон присел, и повернул замки на шее человека. Шлем с шипением отсоединился от скафандра. Лицо полковника было бледным, глаза закрыты, но индикаторы жизненных функций показывали, что Ден Кор жив, хоть и получил множественные повреждения. Ал вручную соединил инфосети обоих скафандров и снова надел свой шлем, чтобы прочитать телеметрию с брони полковника. Да-а-а, скафандры офицеров научной службы это нечто! Данные говорили о том, что полковник получил несколько ударов такой силы, что это расплющило бы человека в легкой броне, а один, видимо тот,

который выгнул балку катера, перерезал бы обычную броню напополам. А эта выдержала. Вот только это слабо помогло полковнику. Даже несмотря на такую чудесную броню, нагрузка на организм оказалась слишком высокой. Кор был лишь человеком. Seriously повреждены печень и селезенка, одно легкое, переломаны семь ребер, сломана рука, на которой болтался чемодан, и, о боги, отбиты обе почки и переломан позвоночник. Медблок скафандра сделал все, на что был способен, чтобы спасти подопечного — это не дало тому умереть, но и выжить при таких повреждениях полковник не сможет. Лишь чудо может сейчас спасти его. А лимит чудес они, похоже, уже исчерпали. Сейчас Кор находился под действием сильного обезболивающего, и скафандр будет продолжать вливать в его кровь лекарство. Так он был запрограммирован, ведь в таких случаях спасти человека можно было только в госпитале, и потому машина будет поддерживать пациента в бессознательном состоянии до тех пор, пока у него будет запас лекарств. Но рано или поздно запас истощится, и полковник придет в сознание. Все так же смертельно раненый. Ал рассудил, что никто не знает, что может случиться в следующий момент, и потому, видимо, лучше разбудить полковника сейчас, чем откладывать это на потом, ведь скафандр все равно не сможет залечить его раны.

Все еще колеблясь, он передал команду на выведение человека из сна.

Полковник застонал, и лицо его скривилось от боли. Ал ввел ему в кровь небольшую дозу специального анальгетика, который позволял бойцу оставаться в сознании, и при этом не чувствовать боли. Глаза человека с трудом открылись, и снова закрылись от яркого света с небес.

— Где мы? — хрипло проговорил он.

— Упали на планету. Не спрашивайте меня, как. Катер разбился, все погибли кроме меня и Вас, командор.

— Кроме тебя и меня... Да... Похоже, меня тоже придется записать в покойники. Не чувствую ног, да и руку только одну. Не пытайся обмануть меня, что там на медицинском мониторе?

— Да, сэр. Вот смотрите, — он надел Кору шлем на голову, чтобы тот мог сам просмотреть данные.

Через пару минут лицевой щиток шлема поднялся: «Дерьмово дело, Ал»..., — произнес полковник с кривой улыбкой.

— В этот раз фортуна изменила мне. Исчерпал я свой запас, видать.

Ал молчал, не желая произносить сентиментальные глупости.

— Слушай, Ал, подними меня, хочу увидеть, где мы.

Гекон, дернулся к полковнику, а потом со словами «одну минуту» убежал в бот. Послышался скрип и скрежет, что-то хлопало и шипело, и через несколько минут в дыре на корме катера появился Ал, волочащий пилотское кресло — крепление его было перерезано плазменной горелкой и еще слегка дымилось.

— Хорошая штука, эти катера, а командор! Живучие, выносливые, и всегда инструменты на борту есть, — с этими словами Ал затащил кресло на вершину холма, и стал копать яму раскладной лопаткой. Решив, что она достаточно глубока, он воткнул опору кресла в яму. — Вот, так будет — то, что надо!

— Знал бы я еще, как оно «так». Лежу тут, как жук безногий, в небо гляжу...

— Ничего. Сейчас, сейчас все будет. Нет... погодите. Закройте глаза.

Ал подхватил полковника под руки, и потащил на вершину. Закрепив его в кресле ремнями, он снял шлем с головы командира, и торжественно произнес:

— Все, смотрите. Вот оно — сокровище, которое Вы искали.

Ден Кор медленно открыл глаза и взгляделся в открывшийся перед ним пейзаж. Несколько минут он разглядывал реку, деревья, небо и холмы вдали, покрытые сказочной зеленью. Оба молчали.

— Знаешь Ал, оно того стоило. Жаль только, не смогу я побродить по этой планете. А ведь тут обязательно есть еще много чудес. Как бы я хотел обойти этот мир своими ногами, проплыть все моря, взобраться на самую великую гору, и окинуть взглядом горизонт от края до края...

— Не хороните себя, командор! В катере есть медавтомат. Я посмотрел — похоже, он цел!

— Эх, Ал... — грустно усмехнулся полковник, — ты же видел мой медблок в скафандре. Что такого может автомат в катере, чего не умеет мой медблок? Разве что делать хирургические операции. Но это мне не поможет. Он не вырастит мне новую печень, не склеит новые почки. Да и позвоночник не соберет. Все, что может медавтомат, я получаю и от своей брони. Так что угомонись, и дай мне уйти достойно.

— Нам, полковник, нам... Если уйдете Вы — я тоже не жилец.

Ден Кор повернул голову к Алу и пристально посмотрел тому в глаза.

— Не совсем, мой друг. Есть одна идея. И мы ее осуществим. Я многим обязан тебе, и не только за то, что ты спасал меня дюжину раз. Но и за то, чего я не сделал, не почувствовал, сдался, поверив в то, что тебя больше нет. Эх, не посидеть нам с тобой у костра, не потравить солдатские байки... А я так мечтал. А может — это рок, расплата за

жизнь, которую я получил благодаря тебе. Может быть, сама судьба привела меня сюда, чтобы человек мог искупить грехи перед геконом. Пусть лишь перед одним, но все же, мне хочется верить, что это мое искупление.

Ал, молчал, не зная, что вообще можно сказать. Полковник говорил высокопарно, совсем не так, как они общались в годы своей боевой дружбы, но говорил он это искренне, от души, и ему было неловко произнести хоть слово.

Повисло молчание. Полковник смотрел вдаль, его лицо было спокойно и одухотворенно. Несколько минут лишь звуки окружающей жизни раздавались вокруг — природа уже оправилась после страшного метеора, свалившегося с небес.

Наконец полковник произнес:

— Видел там контейнеры с эмблемой научной службы?

— Да. Стоят. С виду даже целые — все в амортизационных захватах.

— Отлично. Найди там контейнер с маркировкой АН35К4. Вытащи его, и открой... Нет, ты же не откроешь. Так, вот что, мне нужно прикоснуться к нему. Придумай как. Или сюда его тащи, или меня туда.

— Подождите, сэр. Я сейчас что-то придумаю, — возбуждение от новой надежды овладело Алом, хотя он понятия не имел, что

задумал полковник, и можно ли это сделать вообще. И даст ли это ему что-то в итоге. Но даже такая призрачная надежда возбуждала кровь, и он стремительно бросился к катеру.

Порывшись в инструментальном боксе, Ал вооружился виброрезаком, и бегом направился к роще высоких стройных деревьев, которые виднелись неподалеку. Стволы деревьев были белыми, с поперечными черными черточками. Кажется, он читал, что на Праматери были подобные деревья, называвшиеся березами. Странно, очень странно. Его аналитический ум отметил этот факт, как заслуживающий внимания. Позже, когда будет время, стоит об этом подумать.

Виброрезак рассекал стволы, не встречая сопротивления. Срубив несколько молодых деревьев, и срезав с них ветки, Ал получил охапку прекрасных ровных жердей. Закинув их на плечо, он снова побежал к катеру. Силовая броня делала эту ношу детской забавой, так что на все это ушло не больше десяти минут. Связанные стяжками из ремонтного комплекта, жерди образовали хорошую решетку, один конец которой был привязан ко вкопанным в землю стволам, а другой закинут на край бота. Брошенные поверх ветки, образовали прекрасный навес, защищавший от солнца, но оставляющий возможность дышать свежим воздухом и любоваться сказочным пейзажем.

Второе пилотское кресло Ал вбил в землю у борта бота так, чтобы с него можно было смотреть на реку, ящики с оборудованием образовали уютный закуток, а искомый контейнер установлен возле кресла. С ним пришлось повозиться. Он занимал два стандартных пако-места, и весил столько, что даже в силовой броне его было вытащить весьма тяжело.

Слава стандартам: в катере имелась типовая система охраны на случай посадки во вражеском районе — шесть мини-сторожей с лучевыми пушками. Ал расставил их вокруг катера, и окинул взором свой новый походный лагерь — все вышло неплохо для такого срока — и, удовлетворенный своей работой, он пошел за полковником.

На всю затею ушло около часа, так что Ден Кор успел снова впасть в забытие. Это даже к лучшему. Ал снова забросил через плечо злосчастный чемодан, и потащил безвольное тело в свой импровизированный лагерь. Усадив полковника в кресло, он снова ввел ему в кровь стимулятор, чтобы привести в чувство.

— Ох... Я отключился, — пробормотал Кор, облизывая губы, — сообрази мне попить. А то эта гадость в скафандре уже надоела. Да и поесть хотелось бы... О! А ты постарался. Весьма впечатляет. А где?.. Ага, вижу, отлично, ты все продумал. Так, давай, сначала сделаем кое-что, а

потом займешься остальным. Открывай крышку. Да, вводи код, 1246784325. Отлично, теперь наклони короб ко мне, чтоб я дотянулся, чуть ниже, да, вот так...

Полковник изогнул запястье, и из брони выскочил разъем защищенного коннектора. Псевдонейроны сцепились с ответной частью оборудования контейнера, и с легким шипением крышка бокса открылась.

— Ну что ж, представляю тебе объект «Пи-0-12». Уровень секретности — «альфа-прим». Свидетелей без допуска разрешено расстреливать на месте, — полковник плотоядно улыбнулся. — Впечатляет, а?

— Да уж не то слово. Еще бы я знал, что это такое.

— Это, друг мой, не что иное, как комплекс построения, обработки и моделирования псиматриц, или попросту «ловец душ», слышал что-то?

— Нет, никогда. Но однажды я слышал историю, про некий груз вот в таком контейнере двойного размера с эмблемой научной службы на боках, который перевозили через станцию, где я тогда был приписан... Никто про груз ничего не знал, но, судя по сопровождению из трех крейсеров и бригады гвардейцев, эта штука была очень важной. Шептались, что это — супербомба,

способная взорвать планету, или еще что-то, по силе пострашнее гиперкрейсера.

— Пострашнее, это точно. Эта штука, может взорвать не планету, а твой мозг. Она может вытащить из тебя твою псиматрицу, со всей памятью, всеми твоими эмоциями и реакциями, да — саму твою душу — и запихать ее в кристалл. А может наоборот — залить в твое тело чужую. Мало того, она может препарировать то, что пожрала, разрезать на кусочки, перекроить, и снова вложить тебе в голову. И будешь ты свято верить, что ты — верный слуга императора Ындыра девятнадцатого, выполнять его указания, любой каприз, даже отдать за него жизнь... до тех пор, пока не услышишь нужную фразу, или не увидишь некий образ. Это не просто гипноз или внушение. Ты действительно будешь верным слугой императора до поры. Ты будешь жить этим. И ни одна проверка, ни один аппарат не найдет подмены. Даже точно такой же, если все правильно сделать. Хотя, насколько мне известно, ни у кого таких больше нет, только у нашей службы, — Ден Кор гордо усмехнулся. — Такие дела. Детище безумных воспитанников генерала До.

— Впечатляет! — Ал разглядывал внутренности ящика.

— Представь ценность — то, что ты принимаешь за толстую стенку контейнера на

самом деле система высшей защиты: бронированные стенки из старлара, противолучевой экран, затем усиленные пластины инерционных компенсаторов и виброгасителей — выдерживает до 200 «же». Ну и естественно: контроль температуры, влажности, противохимическая защита, питание от внутреннего реактора на сто лет — это уже мелочи.

— Сколько же это стоит?

— А вот как раз, как гиперкрейсер.

— Ради засылки шпионов в империю? Не слишком ли дорого?

— Нет, Ал, не ради шпионов, хотя и для этого тоже... Ты еще не понял. Ты можешь сохранить в ней свою душу. Понимаешь? Это путь к бессмертию. Именно поэтому Совет Трех выделил баснословные ассигнования на этот проект. При помощи этого аппарата Хранители Свободы могут править вечно, лишь меняя тела.

— Вот как, — задумчиво протянул Ал, — в таком случае, когда же на Толе в последний раз выбирали *действительно новый* Совет Трех?

— Ал, ты понимаешь, что уже допрошен с пристрастием, повешен, расстрелян и сожжен в крематории?

— Да уж... Хотя, какая мне разница? Еще вчера я был рабом, вещью в этом миропорядке, сегодня попал в мир за непреодолимой стеной, а

завтра... завтра может и не наступить. Хотя, да, скажи кому из граждан Республики... Смешно. Да, действительно смешно, — он громко засмеялся, — Свободная Демократическая Республика Толл! И триумvirат бессмертных диктаторов... Да... Какая ирония. Был бы я человеком — наверное, расстроился бы. Но погодите, а как она вообще попала на наш борт, эта штука? При такой-то ее ценности? Почему ее не охраняет бригада республиканской гвардии? Зачем Вы вообще ее тащили сюда?

— Столько вопросов, Ал... Ладно, возможно у меня не будет случая рассказать тебе это после, а информация может помочь тебе выжить. С охраной все просто: меньше охраны — меньше внимания. Да и расстреливать бригаду гвардейцев как-то убыточно, — Кор хмыкнул, — а вот зачем она — тут интереснее. Те ученые, которые торчали месяцами на поверхности Управляющей Сферы, перепробовали все способы электронного и физического воздействия на входы, ничего не помогло. Однако, каждый раз, когда кто-то из людей приближался к этим дверям, наши датчики улавливали неизменный всплеск активности скрытых под поверхностью механизмов. Сфера знала о нас. Она следила за нами, и она читала нас. Вот тогда мы и предположили, что вход может открыть только богон. Существо с таким же

геномом, и, возможно, с определенной псиматрицей. В одной из экспедиций мы нашли разбитый корабль богонов с телом пилота...

— И какой он? — воскликнул Ал.

— Не поверишь: точно такой же, как я. Ну, плюс-минус. Обычный человек. Внешне. А генетически довольно сильно отличается, хотя основная структура генома все равно похожа на нашу. Да, Ал, — полковник заметил вопросительный взгляд гекона, — похоже, мы, люди, как-то связаны с богами.

— Дайте догадаюсь. Имея его тело, вы приготовили ДНК модификатор, и взяли в команду меня, чтобы я сошел за богона перед дверью?

— Без обид, Ал, да, так и было, но для этого подошел бы любой гекон. Любой из пятнадцати оставшихся. А за тобой я послал, потому, что мне был нужен человек, которому я доверяю.

— Не человек — гекон, которого потом бы пришлось расстрелять по соображениям секретности.

— Брось, Ал, ты и так знаешь такое количество грязных секретов республики, что это тянет на пять расстрелов. Твой статус вещи, принадлежащей службе тайных операций, дает и некоторые возможности, а не только... тяготы. Что же до «не человек», то это вопрос только личного отношения. Моего к тебе. И ты для меня —

человек!

— Ладно, командор, простите, наверное, это не самый уместный разговор в данное время...

Полковник посмотрел пристально в глаза Алу.

— Ты меня прости, что не могу убедить доверять мне. Но ты поймешь чуть позже. Так, на чем мы остановились?

— На проникновении в Сферу. Хотя я все равно не понял при чем тут «ловец душ».

— Ну, мы сняли структуру мозга пилота-богона. И хоть у нас и не было его псиматрицы, но наши спецы построили модель, которую собрали на суперкомпьютере...

— Так Вы собирались мне в башку запихать какую-то программу, а меня стереть??? — взорвался Ал. — Хороша дружба!

— Отставить, рядовой! — гаркнул полковник и закашлялся.

С минуту он восстанавливал дыхание, пока системы в его скафандре вливали новую порцию химикатов, чтобы скомпенсировать эту вспышку.

— Дай сюда шлем... нет, вытащи планшет из вон того ящика и подключи к моему диагностику... Да... что там? Дай сюда, — несколько секунд Ден Кор изучал данные, потом отложил планшет в сторону. — Если ты будешь слушать и помогать мне, то мы успеем все сделать. И у тебя появится шанс не сдохнуть на этой прекрасной планете.

Теперь сосредоточься и включи свои способности к анализу и логике, — Ал скривился, — теперь подумай сам — высшие лица государства переносят свое сознание, и делают это уже не раз. Этой технологии доверяют *такие* люди. А ты думаешь, что я тебя на убой отправляю! План был такой: мы подводим тебя модифицированного, а рядом ставим модулятор, который имитирует работу мозга богона. И следим за результатом. Если не прокатывает, то с учетом новых данных, снимаем твою матрицу на кристалл, записываем синтезированную в твое тело, и пробуем открыть. А потом возвращаем тебе твою душу назад.

— М-да... звучит логично, но если честно, командор, я бы не хотел этого добровольно.

— А вот я хочу! И ты pomoжешь мне сейчас перенести свою матрицу в этот аппарат.

— Я помогу Вам, командор. Но извините, Вы сказали, что это поможет мне. Как?

— А вот так. Где эта чертова коробка... чемодан?

— У Вас на руке.

— О боже! Ты так и не отцепил ее? Чертов перелом, я не чувствую руку вообще. Не думал, если честно. Думал, ты схватишь чемодан, сразу, как очухаешься.

— А смысл? Я же ее все равно не открою.

— Ну да, но у тебя ж есть плазменный резак и

дезинтегратор на катере.

— Не работает. Питания нет. Видимо, реактор отстрелился при аварии. Я еще не залезал на крышу.

— Ну да... Понятно. Поддай-ка мне его на колени.

Полковник подключил свой защищенный коннектор к «коробке боли», и открыл первую крышку. Под ней была уложена сеть из нейродатчиков. Ден Кор достал ее работающей рукой. Видишь? Ничего не напоминает?

— Напоминает. Это нейрогарнитура для управления электроникой посредством мысленной активности. Подобная сеть встроена в шлемы нашей боевой брони. Собственно, так мы и управляем спецфункциями и боевым модулем. Некоторые наши пытались приспособить сеть шлемов к коробке, которую отбирали у кураторов, чтобы сделать шунт и обойти защиту в модуляторе. Только это бесполезно. Не тот уровень. Сеть в броне — жалкое подобие этой, годное только для распознавания основных команд. Обмануть коробку боли она не способна.

— Точно! Она не способна, а вот она, — он повернулся к «ловцу душ», — очень даже способна. Как сеть модулятора сложнее сети шлема, так и сеть «ловца душ» сложнее сети модулятора. Теперь понял? Ты сможешь управлять своей коробкой

боли!

Ал замер от смеси чувств, нахлынувших на него. Он был не в силах сказать хоть слово. Свобода! Настоящая свобода забрезжила перед ним. Не просто жизнь, а жизнь свободного человека! И даже если на этой планете нет разумных существ, тут есть жизнь, значит — он сумеет прокормиться. Он пройдет эту планету от севера к югу, и от запада к востоку, он исследует каждую реку и каждую гору, он...

— погоди мечтать. Времени мало. А я и так его растратил, чтобы вбить в твою башку, что ты можешь мне поверить. Так, теперь слушай внимательно. План такой: первое — ты переносишь мою матрицу в память «ловца», потом я авторизую тебя для работы с ним. Ты получишь доступ ко всей моей памяти, ко всем знаниям и секретам. Так ты узнаешь, как зашунтировать сеть «коробки боли», и через интерфейс «ловца» сможешь управлять ею. Ну, а с ней ты, считай, бессмертен и неуязвим. Так, погоди, — полковник надел сеть нейродатчиков с толстым кабелем псевдонервов себе на голову, — поправь: не могу одной рукой. Да, нормально...

Чемодан на его коленях щелкнул, и открыл внутреннюю бронированную крышку.

— Смотри, во-первых, возьми это: тут 12 полных заправок для базовой конфигурации. Если вдруг по какой-то причине ты не сможешь иметь

доступ к «ловцу», то тут тебе хватит лет на пятнадцать, если будешь жить спокойно. Вот еще готовые боевые конфигурации. Посмотришь в моей памяти, что они могут. Сразу скажу, после применения придется не позднее, чем через месяц заправить базовую, так что, сам понимаешь — боевая сожрет годы твоей жизни. Ну и главное — сама коробка. Если моя идея верна, и ты сможешь обойти защиту, то сможешь готовить себе новые порции заправок. Любые, какие хочешь. Так что... Ну, нечего больше говорить. Зарядки возьми себе, и давай начнем.

Следуя указаниям полковника, Ал подключил его к сети «ловца душ», отстегнул, наконец, чемодан от его руки, устроил командира поудобнее в кресле, пристегнув для надежности, и отступил назад. Машина заработала, хотя понять это можно было лишь по единственному огоньку, засветившемуся внутри контейнера. Никаких внешних элементов управления не было, да они и не нужны были машине, которая улавливала любую, самую потаенную мысль. Глаза полковника закрылись, и можно было подумать, что он снова отключился. Но он предупредил, что это не важно. Машина будет работать, даже если человек впадет в кому. На перенос и зашифровку полного сознания потребуется не один час. Судя по всему, к тому времени уже наступит ночь, и нужно подумать о

том, как ее встретить.

Ал зашел в разорванный трюм. «Ну что ж, вот и ваше время пришло». Втайне порадовавшись, что в катере осталось лишь шесть тел, гекон стал вытаскивать их наружу. Пять обезглавленных десантников, и один обезглавленный пилот. Второй, которого он выбросил из кресла, видимо вылетел во время падения. Следовало похоронить их, как положено, чтобы погибшие ушли с достоинством. В первый раз ему приходилось хоронить космодесантников на планете. По обычаю их тела, завернутые в знамя республики, выпускали в космос на звезду, так провожая в последний путь. Но сейчас это было проблематично. Сжечь на костре, как принято у гражданских планетников? Или похоронить в земле, как делают сторонники церкви Его Возвращения? Сжигать плазменным резаком своих, пусть и мимолетных, боевых товарищей, казалось кощунственным, а собрать необходимую кучу дров в таком зеленом раю скорее всего невозможно. Что ж, сначала наведемся в лес. Ал зашел в трюм и выбрал себе оружие. До сих пор он не думал о необходимости защиты, да и признаков крупных животных не было, но планета может преподнести сюрпризы. Выбрав легкий и скорострельный автомат, он проверил обойму, проверил ускоритель, посмотрел в прицел — все на рефлексах. Неплохая вещь. И

ухоженная. Чье это? Ах, да, малыша Роя, которого унесло первым. Видимо, он любил оружие. Мир его душе.

В лесу все было так же зелено и прекрасно, как и на холме. Побродив с полчаса, Ал смог набрать лишь охапку сухих веток и мелких сучьев. Да, этого маловато. Но и это добыча. Сбросив дрова у стенки бота, он заглянул к полковнику, но огонек светился точно так же — Ден Кор был все так же безмятежен и неподвижен. С трудом подавив желание разбудить командора, Ал взял лопату и виброрезак, и отправился к телам десантников. Что ж, значит, ваша судьба — быть похороненными на этой новой планете. Возможно, адепты церкви Его Возвращения правы? Может их души отправятся к Великому Свету и там обретут вечное блаженство? Вот только голов нет. Как они без голов-то там, перед Великим Светом? М-да...

Закапывать тела в броне не хотелось. Во-первых, вся броня была казенной, и это было вбито в подкорку каждому солдату, и Алу тоже. Потому ее принято было снимать. Да, последние пятнадцать лет его опустили в правах до состояния вещи, но ведь когда-то и он называл себя космодесантником, и привычки еще остались. Броню следовало снять. А кроме того, тут есть и меркантильный мотив: если все получится, и он

будет жить еще много лет, то детали от брони еще не раз ему пригодятся. Решено, нужно снимать. Хотя это будет не самым приятным занятием. Потом придется вычищать внутренности скафандров от крови и экскрементов. А если сделать это в реке? Это идея! И он потащил первое тело к берегу. Кажется, это был сержант Барт. Затолкав тело в воду, прозрачную и чистую, Ал открыл аварийные замки, и броня разошлась по бокам, освобождая погибшего. Десантники надевали броню на голое тело, ведь она становилась второй кожей и получала управление от иннервации мышц, становясь продолжением и усилением человека. Мерзкого бурого цвета муть разлилась в воде. Да, хорошо, что вода уносит все это. Гекон вытащил обезглавленное голое тело из брони, и немного повозил его по дну реки. Чистый золотистый песок уносил все нечистоты. С первым покончено. Еще пять.

Справившись с этой неприятной работой, Ал выкопал яму, в которую, по его прикидкам, должны были поместиться все шестеро. «Да, хорошо, что вас не двенадцать... или четырнадцать». Забросав обнаженные тела землей, Ал уложил сверху дерн, который предусмотрительно срезал виброрезаком. Выглядит вроде неплохо. Адепты Возвращения еще ставят знак у могилы, но вряд ли это уместно тут. Хотя, нужно же как-то отметить место их

захоронения? Ал вернулся в бот, и, повозившись там некоторое время, вытащил из кабины штурвал, при помощи которого сумел посадить катер. Водрузив его у изголовья братской могилы, гекон вскинул руку в последнем салюте. «Спите спокойно — пусть этот штурвал укажет вашим душам путь к вашему Свету». Импровизированное прощание звучало неплохо, и он остался доволен проделанной работой. Теперь позаботимся о живых.

В своих частых отлучках в походы на Тобосе, Ал научился добывать себе пищу в любом месте. Лишь бы там была живность. Привычка иметь при себе набор для выживания стала второй натурой: многофункциональный нож, способный перерезать сталь, небольшой источник питания, он же фонарь и маяк, моток сверхпрочной лески, крючки, небольшой кусок шнура и кремь. Этот архаичный способ добывания огня вызывал у всех усмешку, но Ал считал, что разжигать костер любым другим способом неспортивно. Не раз бывало, он на голом месте строил себе шалаш, сооружал удочку или копье, добывал себе рыбу или зверя, готовя дичь на костре. Вкусно поесть Ал любил. Создав геконев мужчинами по внешнему образу, люди сделали их бесполоыми по сути. Радостей секса гекон не мог ощутить в принципе, радости любви с такой внешностью тоже, зато у него был нюх, как у собаки, и вдесятеро больше вкусовых рецепторов

на языке. Ведь гекон должен был распознавать сложные химические вещества: яды, снотворное, вещества, изменяющие сознание. Так что вкус он различал, еще как. И потому всегда носил с собой небольшую емкость, в которой хранилась его ценность — набор специй, который он старался всегда пополнять. Мало того, на каждой планете он всегда экспериментировал с местными растениями: нюхал, смакуя оттенки ароматов, жевал прочувствуя вкус, и, если ему нравилось, добавлял в свои блюда. Солдаты на Тобосе были неплохими — почти друзьями. Зная его пристрастия, они даже позволяли ему пользоваться кухней, подкупленные перспективой поесть что-то отличное от стандартных пайков питания. Поначалу, конечно, они отнеслись к идее очень настороженно. Ведь то, что мог без вреда есть гекон, могло убить человека. Однако, самые смелые рискнули. И после этого на базе всегда ждали его из его вылазок на природу. Ал притаскивал тушу рыбыны или зверя, и устраивал кулинарное действо, результат которого всегда превосходил ожидания дегустаторов. Кстати, ни один из них ни разу даже животом не заболел. Сейчас Ал решил устроить полковнику шикарный ужин, для чего нужно было добыть какую-нибудь живность, да еще и съедобную для человека.

Хоть у него и был с собой походный набор, но

рыбачить в данных условиях было неуместно. Гекон подошел к реке, сжимая шоковую гранату. Вода уже успела унести следы подготовки к похоронам. «Вот так все в этой жизни. Ты жил, мечтал, планировал... А потом вода или ветер, или песок заметают твои следы, и все, нет тебя, как будто и не было. А река течет, и ветер дует, перекатывая песок»... Ал встрепенулся, отгоняя меланхоличные мысли. «Простите русалочки, простите наяды и единороги», и швырнул гранату в воду выше по течению. Вспышка озарила глубину, акустический удар вздыбил поверхность воды. Через несколько секунд на поверхности стали показываться тушки рыбы разного размера и формы — течение несло их к Алу. Он закрыл шлем и полез в воду. Выбрав несколько самых крупных рыб разного вида, он выбросил их на берег. Туда же полетели и несколько меньших. Остальные блестящие в закатном свете тушки медленно поплыли вниз, как свидетельство его надругательства над природой. Ал грустно проводил их взглядом. Не так он хотел бы начать свое знакомство с планетой. Но что ж поделать...

Длинным, слегка раздвоенным языком гекон попробовал кусочек филе самой крупной рыбы. Длинномордая рыбина была огромной, больше размаха его рук — почти черного цвета, со светлой и редкой, но крупной чешуей ромбовидной формы,

а по ее спине шли пирамидальные костяные выступы. Белое мясо оказалось божественным. Ал не ожидал этого, и съел кусочек прямо так — сырым. Даже в таком виде это было очень вкусно. Бритвенный нож осторожно вспорол толстое рыбье брюхо, и оттуда стала вываливаться икра. Гекон попробовал и ее — оказалась еще вкуснее мяса. Он мысленно добавил немного соли к этому вкусу, и понял, что даже человек способен им восхититься. Да, планета преподносит сюрпризы!

В армии не предполагается, что солдат добывает себе еду или готовит обед. Действительно, странно было бы найти в катере кастрюлю или сковородку. А впечатлить полковника ужином очень хотелось. Ал перерыл все контейнеры, пытаясь найти хоть что-то подходящее, однако посуды там не было, даже химической. Затем он откопал в одном из контейнеров датчик, который, по всей видимости, предполагалось использовать для улавливания излучений того объекта, к которому летели. Датчик был похож на половину огромного апельсина, с параболическим концентратором снизу, зато его внешняя сторона была сделана из титанита — для экранирования от внешних воздействий. Соединение атомов титана с атомами железа и никеля в особой формы кристаллической решетке обладало рядом выдающихся свойств, среди

которых важнейшим, с точки зрения Ала, было то, что этот сплав не имел вкуса. Ал выковырял начинку, чувствуя себя варваром, и получил сияющую кастрюлю. Если прокипятить эту кастрюлю пару раз, то запах химии из начинки должен исчезнуть, и в ней можно сварить прекрасную уху. Пластиковые ложки и кружки должны быть в пайке. Так что праздничному ужину быть!

Костер потрескивал, разбрасывая искры, которые весело устремлялись в небо. Вода в реке искрилась в свете луны. Луны, которой не было у планеты. Звезды мерцали в чистом высоком небе, словно и не было над ними никакого поля, непроницаемого для любого излучения. Думать об этих чудесах просто не хотелось. Хотелось наслаждаться воздухом, плеском воды и игрой света на волнах, стрекотом насекомых в траве, и одуряющим запахом ночных цветов. Над морем слегка колышущейся травы поднялись разноцветные точки светляков, которые кружились в воздухе в чудесном световом балете. Крупные ночные бабочки порхали между цветами, которые слабо фосфоресцировали в темноте. Каждое прикосновение бабочки к цветку вызывало выброс из него порции светящейся пыльцы, и бабочка взлетала, оставляя за собой шлейф искр. Невозможно было поверить, что эта красота

реальна. Гекон и человек чувствовали себя зрителями в прекраснейшей из постановок.

Полковник отхлебнул уху из кружки, бережно держа ее голой рукой — боевую перчатку он отстегнул, чтобы хоть немного чувствовать окружающий мир. Остальное снимать было нельзя, так как лишь силами скафандра Ден Кор еще был жив.

— Как тебе это удалось? Это просто божественно! Давно я не пробовал ничего подобного.

— Погодите, вот уже подходит запеченная на углях рыба, вот это попробуйте. А! Вот еще деликатес, — Ал протянул полковнику ложку с темными блестящими бусинками.

— Это что?

— Попробуйте. Во-от. Ну как?

— О! Это нечто! Господи, Ал, ты просто творишь чудеса.

— Эх, командор, мне бы кухню, я бы Вас накормил. Но может еще... — он осекся.

— Ничего Ал, все нормально. Я не жалуясь. А ну, добавь-ка мне еще этой чудесной ухи! И рыбы кусок! Только смотри, чтоб без костей.

— Да их и не было. Не рыба, а находка. Костей почти нет. А вкус. Вкус какой! М-м-м... Вот, держите еще.

Они перебрасывались ничего не значащими

фразами, наслаждались вкусом блюд и смотрели вдаль, словно и не лежал в конце уродливой борозды разбитый десантный бот, не стоял штурвал у изголовья братской могилы, словно у них впереди бездонный источник времени, который не выпить, не осушить...

— А помнишь Толл-таллу?

— О да, командор! Как забыть! Как же мы тогда веселились! Помню, как Борг напился до такого состояния, что нам пришлось запихнуть ему под одежду грузовой экзоскелет, чтобы он не падал, когда объявили проверку.

— А ту девчонку с базы третьего флота? Не могу забыть ее лица, когда она выбежала из комнаты отдыха, — полковник заразительно рассмеялся, — что там вообще случилось? Может признаешься?

— Ну, Вы же помните, командор, тогда геконы хоть и были в диковинку, но жили вместе с солдатами, и частенько мелькали в частях. И вот эта... Тима, кажется — а она та еще была штучка — заинтересовалась, как же оно *там* у гекона. Не знаю, кто там и что ей нарасказывал, но это стало ее мечтой. Ну, понимаете, мужик двух с лишним метров роста, и метр в плечах, у такого мужика и остальное под стать. И она подбила нас сыграть с ней в карты. О! А правила были забавные. Кто выиграл, тот заказывал желание любому за столом.

Играла она мастерски. И все на меня поглядывала. Когда уже дело шло к развязке, она не могла усидеть на стуле...

— А ты не стал ее разочаровывать раньше времени.

— Не-е. Мы тогда пьяные были, веселые, да и ребята ждали потехи. Ну вот, когда она меня выиграла, то потащила в комнату отдыха. Ну а дальше вы видели.

— О да... это весь бар видел. И слышал ее проклятья.

Помолчали.

— Ал, а вот ты никогда не жалел, не думал, как оно...

— Да что жалеть-то. Не судьба мне. Уж как есть. Зато... Вот теперь попробуйте печеную рыбу с местными травами.

— Местными? А они... А, какая разница! Тащи сюда!..

Луна неспешно ползла по небу, звезды вращались, как и положено звездам. Костер догорел, и лишь несколько угольков еще багрово светились в темноте. Тишина. Легкий ветерок качает верхушки диких злаков. Бабочки и светляки разлетелись по своим жучьим делам. В тишине лишь изредка раздавались крики ночных птиц, да в реке плескала рыба.

— Командор, можно я спрошу Вас о чем-то?

— Говори, Ал, можно. Уже можно.

— Можете сказать мне свое Имя?

— Хм, ты же скоро это узнаешь и так.

— Я хочу услышать это от Вас, командор.

— Имя... Давно я сам его не слышал и не произносил... Дениель Гарольд-Мария Корсон.

Ал повторил это имя про себя, словно смакуя звуки во рту.

— Вот, значит, как... Я тоже хотел бы иметь Имя.

— Теперь ты можешь. Какое захочешь. Теперь ты все можешь...

Последние угли костра дотлели, и дымок угасшего костра смешался с пряными ароматами неизвестной планеты. Плеск в реке. Невидимые в ночи крылья прошелестели над лагерем...

— Знаешь Ал, — прошептал полковник, — а я ведь хорошо пожил. Я видел столько миров. Я видел столько чудес. Я шел по следу сверхцивилизации и пришел сюда... И еще. Я здесь с другом. С настоящим человеком. Неплохой финал для простого десантника, которому судьба подарила лишних пятнадцать лет...

Ал сглотнул ком, подступивший к горлу.

— Командор! Сэр! Не надо... Мы еще... Вы... Полковник Ден Кор не ответил.